

В МОСКВЕ, в издательстве «Художественная литература» вышел в свет двухтомник сочинений народного поэта Абхазии Баграта Шинкуба. Первый том составили избранные стихи поэта, баллады, поэмы, а также роман в стихах «Песня о скале». Во второй том вошла проза Б. Шинкуба, представленная широко известным историческим романом «Последний из ушедших» и повестью «Чанта приехал». Предлагаем читателям вступительную статью к двухтомнику, написанную известным советским критиком Вадимом Кожинным.

О Т В О Р Ч Е С Т В Е 2207 БАГРАТА ШИНКУБА

хотя бы так: «Багра́т Шинку́ба — поэт наиболее любимый и популярный. Стихи которого вошли в каждый абхазский дом, их знают наизусть целые поколения абхазских читателей». Это цитата из статьи поэта Мушни Ласуриа. И он, без сомнения, прав: приезжая в Абхазию, я неоднократно убеждался, что произведения Баграта Шинкуба и сам его облик живуч в сердце любого абхаза.

Естественно встает вопрос — раскроется ли перед читателем сомобытное творчество Баграта Шинкуба в переводе? Мне представляется, что читатели вернее всего найдут путь в мир художника, начав с его романа «Последний из ушедших».

Дело не только в том, что это самое значительное творение Баграта Шинкуба, но и в том, что стихи необычайно трудно воссоздать в материю другого языка. Проза же переводится гораздо легче и вернее. Багра́т Шинку́ба вошел в литературу прежде всего как поэт. Однако не будет преувеличением сказать, что первая книга «Последнего из ушедших» — это подлинная поэма в прозе. Она проникнута напряженным ритмом, ее образность одухотворена и в то же время чеканна.

Далее, первая книга «Последнего из ушедших» сразу вводит читателя в тот своеобразный мир, который в конечном счете породил творчество Баграта Шинкуба. Хотя речь здесь идет глав-

ным образом не о абхазах, а об их бывших северных соседях — убыхах, мысль и страсть художника все же обращены к своему народу. Основы материнского и духовного бытия двух народов во многом родственны, а трагедию судьбы убыхов — это, в сущности, тот предел, до которого вполне бы могла дойти столетия назад и судьба абхазов.

В сложнейших условиях борьбы за Кавказ между Россией и Турцией (которую поддерживала — конечно, ради своих корыстных интересов — Англия) более половины абхазского народа переселилась за море. Различия — но различия страшные — в том, что убыхи до последнего человека оказались на чужбине, и этот народ, имевший свою многовековую историю, перестал существовать вообще...

Чувствуется, что в глубине творческого сознания художник как бы предполагал, что эта безысходная трагедия постигла его собственный народ и именно потому поэма исполнена такой пронзительной силой. Но в то же время нельзя не видеть, что Багра́т Шинку́ба говорит не о ком-либо, как об убыхском народе, целиком отдавая ему свою душу. Необходимо указать и на то, что художник пал убыхскому народу бесмертия в слове. В «Последнем из ушедших» не просто запечатлены те или иные экономические, бытовые психологические и другие черты убыхов: нет, этот народ об-

рел целостное бытие — вернее, инобытие — в Слове. Багра́т Шинку́ба исполнил высокий долг перед исчезающим народом. В органическом слиянии, сопряжении образов двух народов, осуществленном подлинно творчески, пожалуй, наиболее ясно обозначились черты художественного величия этой поэмы в прозе. Убежден, что ответственное слово «величие» здесь полностью уместно.

Подчеркну еще раз: Багра́т Шинку́ба не ставил перед собой задачу литературной обработки фольклорного материала. Он стремился к созданию высокообразного абхазского искусства слова, обращенного к людям XX века. «Последний из ушедших» — произведение подлинно современное по видению мира.

Путь Баграта Шинкуба не был простым, и не только победы ждали его на этом — ныне уже более чем полувековом — творческом пути. Он начал как лирический поэт и уже в тридцатых — начале сороковых годов создал целый ряд стихотворений, ставших в Абхазии хрестоматийными. Голос личности и голос народа воплощены в самом лирическом стиле поэта, сочетающем в себе напряженную образную энергию и тонкость словесно-ритмического рисунка. Достаточно указать на такие стихотворения, как «Моя звезда» и «Махаджирская колыбельная», которые теперь видятся как первые завязи замыс-

ла, нашедшего монументальное выражение в «Последнем из ушедших».

Высота творческих целей, которые ставил перед собой Багра́т Шинку́ба в своей лирике, отчетливо обнаруживается, когда знакомимся с его стихами в хронологическом порядке — от 30-х до 70-х годов.

Как уже говорилось, на пути художника были не одни бесспорные победы. В 1950 году он закончил первый в абхазской литературе роман в стихах — «Мои земляки», где стремился создать широкое — полотно современной жизни Абхазии. В те годы в советской литературе появились немало подобных произведений.

И все же «Мои земляки» — уже хотя бы как первый опыт работы над широким эпическим повествованием в абхазской поэзии — имели свое значение. Через несколько лет Багра́т Шинку́ба приступил к созданию гораздо более весомого поэтического повествования — «Песнь о скале» (окончена в 1964 году).

Наибольшую ценность в этом произведении имеют два ярких и емких человеческих образа — народного героя, как говорится — «благородного разбойника» Хаджарата Кяхба и абхазского дворянина, мечтающего о единстве с народом, князя Шабата. Характеры и трагические судьбы этих героев чрезвычайно много говорят об истории Абхазии. Собственно поэтическое воплощение этих обра-

зов определило их особенную обобщенность, крупность. Эти созданные Багра́том Шинку́ба образы останутся как своего рода национальные символы.

Вскоре после выхода в свет «Песни о скале» Багра́т Шинку́ба обращается к созданию художественной прозы. Это было своего рода неожиданностью — слишком прочно связалось его имя с понятием «поэт»; словно в подтверждение этого в 1967 году Багра́ту Шинку́бу было присвоено звание народного поэта Абхазии.

Но на мой взгляд, это обращение к прозе было совершенно закономерно и даже необходимо и для самого художника, и для абхазской литературы в целом. В современную эпоху поэзия, как мне кажется, уже не является той всеобъемлющей, универсальной формой, какой она некогда была. И художник такого размаха, как Багра́т Шинку́ба, не мог ограничиться руслом поэзии.

В 1968 году он пишет повесть «Чанта приехал», в которой воплотились дальновидные и в то же время совершенно земные жизненно-практические раздумья о современной абхазской действительности.

То, что выразилось в этой повести, едва ли возможно было высказать в стихе. Нельзя не отметить, что обращение к прозе вовсе не означало отказа от поэзии. Лирические стихи 70-х годов, без сомнения, принадлежат к творческим вершинам Багра-

та Шинкуба. И естественно предположить, что в достижении этого художественного совершенства свою роль сыграло и обращение к прозе. Те или иные стремления и заботы художника как бы вошли в более соответствующую им стихию художественной прозы, а лирика обрела поэтому новую свободу полета. Поэзия достигает той зрелости, когда слову не нужно никаких ухищрений и подмостков. В стихах нет «ярких» фактов, изощренной образности и даже необычных оригинальных выражений. Все как бы совершенно обычно и прозрачно, но тем несомненной выступает «тайна» поэзии.

В стихотворении «Твоя молодость, юный друг, окрыляет меня...» окончательный смысл высказывается в прямом утверждении того, что юность сохраняется до тех пор, пока она не знает своего «предела». И в пространстве стихотворения это простое значение обопачивается сознанием беспредельности, которым обладает юность.

Такая прямота выражения поэтического смысла поистине редкостна и свидетельствует о полной творческой свободе. Эта свобода проявляется в своего рода слиянии поэзии и жизни.

И это взаимопроникновение жизни и поэзии, достигнутое Багра́том Шинку́ба, нашло свое выражение не только в стихах. Творческий опыт поэта прекрасно сказался в романе «Последний из ушедших». Здесь мы находим органический сплав высокого поэтического духа и истинного реализма прозы. Эта книга со всей полнотой вобрала в себя многогранные творческие влечения Баграта Шинкуба — от его научных изысканий в области абхазской мифологии до лирических взлетов его стиха.

Вадим КОЖИНОВ.